

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ВИЛЬГЕЛЬМ КАРЛОВИЧ
КЮХЕЛЬБЕКЕР

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Краткая биография из энциклопедии „Брокгауза-Ефрона“	3
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Кофе	4
2. Царское Село	5
3. К Пушкину <„Счастлив, о Пушкин...“>	6
4. К Пушкину (Из его нетопленной комнаты)	7
5. Поэты	8
6. К Евгению	12
7. К Пушкину <„Мой образ, друг минувших лет...“>	13
8. Памяти Грибоедова	15
9. Сонеты	17
10. Молитва	19
11. Молитва узника	20
12. Ангел	21
13. Тени Пушкина	22
14. 19 октября 1837 года	23
15. „До смерти мне грозила смерти тьма...“	24
Примечания	25

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

стр. 3	В.К.Кюхельбекер. Гравюра И. И. Матюшина. 1880-е годы
стр. 16	рисунки Кюхельбекера на рукописи ранней редакции стихотворения „Семья“. Лукописный отдел РГБ
стр. 25	В.К.Кюхельбекер. Рисунок С. Ф. Белкина. 1845

Краткая биография

Кюхельбекер, Вильгельм Карлович — писатель и декабрист (1797-1846). Учился в Царскосельском лицее вместе с Пушкиным и Дельвигом. Служил недолго в министерстве иностранных дел; преподавал русский и латинский языки в Педагогическом институте. В 1820 г. читал в Париже публичные лекции о русской литературе, которые должен был прекратить по требованию русского посольства. В 1821-1822 годах служил при Ермолове на Кавказе, где сошелся с Грибоедовым. 1823-1824 годы провел в Москве, давая уроки и занимаясь литературой (издал вместе с князем В.Ф. Одоевским сборник „Мнемозина“, (1824). Радикальное настроение сблизило Кюхельбекера с некоторыми участниками Северного Общества, но членом его Кюхельбекер не был и в дело 14 декабря замешался случайно, „охмелел в чужом пиру“, как выразился Пушкин. На Сенатской площади он покушался на жизнь великого князя Михаила Павловича, бежал из Петербурга, был схвачен в Варшаве, судим и приговорен к

смертной казни, замененной 15-летним содержанием в крепости и после того ссылкой на поселение. Проведя девять лет в крепостях Европейской России, Кюхельбекер в 1835 г. был отправлен на жительство в Баргузин. Умер в Тобольске. Неуравновешенный, чувствительный, вечно восторженный, Кюхельбекер был образцом романтика в жизни и в литературе. Пушкин отозвался о нем: „человек дельный с пером в руках, хоть и сумасброд“. Как издатель „Мнемозины“, Кюхельбекер был одним из распространителей шеллингизма в России. От искусства он требовал самобытности: „для славы России нужна поэзия истинно русская; вера праотцев, нравы отечественности, летописи, песни и сказания народные — лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности“. Основные черты его творчества — идеализм и пиетизм с мистическим оттенком. В крупных произведениях Кюхельбекер мало самостоятелен как по мысли, так и по исполнению; лучшая часть его наследия — лирика, где редки гражданские мотивы и преобладают религиозные и космические. Стиль Кюхельбекера вообще риторичен, местами до вычурности; язык бледен и богат славянизмами и архаизмами; поэтические формы однообразны. Написанное им еще не собрано; сам он издал отдельно поэму „Смерть Байрона“ (М., 1824), тяжеловесную шутку „Шекспировы духи“ (СПб., 1825), мистерию „Ижорский“ (ib., 1835). Несколько десятков его пьес помещены в „Собрании стихотворений декабристов“ (Лейпциг, 1862). „Избранные стихотворения В.К. Кюхельбекера“ изданы в Шо-де-фон (1880). В „Русской Старине“ были напечатаны его дневник и поэма „Вечный Жид“.

1. КОФЕ

Пусть другие громогласно
Славят радости вина:
Не вину хвала нужна!
Бахус, не хочу напрасно
Над твоей потеть хвалой:
О, ты славен сам собой!

И тебе в ней пользы мало,
Дар прямой самих богов,
Кофе, нектар мудрецов!
Но сколь многих воспевало
Братство лириков лихих,
Даже не спросясь у них!

Жар, восторг и вдохновенье
Грудь исполнили мою —
Кофе, я тебя пою;
Вдаль мое промчится пенье,
И узнает целый свет,
Как любил тебя поэт.

Я смеюся над врачами!
Пусть они бранят тебя,
Ревенем самих себя
И латинскими словами
И пилюлями морят —
Пусть им будет кофе яд.

О напиток несравненный,
Ты живишь, ты греешь кровь,
Ты отрада для певцов!
Часто, рифмой утомленный,
Сам я в руку чашку брал
И восторг в себя впивал.

Между 1815 и 1817

2. ЦАРСКОЕ СЕЛО

Нагнулись надо мной дерев родимых своды,
Прохлада тихая развесистых берез!
Здесь наш знакомый луг; вот милый нам утес:
На высоту его, сыны младой свободы,
Питомцы, баловни и Феба, и Природы,
Бывало, мы рвались сквозь густоту древес
И слабым гладкий путь с презреньем оставляли!
О время сладкое и чуждое печали!
Ужель навеки мир души моей исчез
И бросили меня волшебные мечтаны?
Веселье нахожу в одном воспоминаньи:
 Глаза полны невольных слез!
Так, вы умчались, мои златые годы;
Но—будь хвала судьбе: я снова, снова здесь
В сей мирной пристани я оживаю весь!
Стою — и зеркалом разостланные воды
Мне кажут мост, холмы, берега, прибрежный лес
И светлую лазурь безоблачных небес!
Как часто, сидя здесь в полуночном мерцаньи,
На месяц я глядел в восторженном молчаньи!
Места прелестные, где возвышенных муз,
И дивный пламень их, и радости святые,
Порыв к великому, любовь к добру — впервые
Узнали мы, и где наш тройственный союз,
Союз молодых певцов и чистый, и священный,
Всесильным навыком и дружбой заключенный,
 Был братскою каменной укреплен!
Пусть будет он для нас до гроба незабвен:
Ни радость ясная, ни мрачное страданье,
Ни нега, ни корысть, ни почестей исканье —
Моей души ничто от вас не удалит!
И в песнях сладостных и в славе состязанье
Соперников-друзей тесней соединит!
Зачем же нет вас здесь, избранники харит?
Тебя, о Дельвиг мой, о мой мудрец ленивый,
Беспечный и в своей беспечности счастливый!
Тебя, мой огненный, чувствительный певец
 Любви и доброго Руслана, —
Тебя, на чьем челе предвижу я венец
Арьоста и Парни, Петрарки и Баяна!
О други! почему не с вами я брожу?
Зачем не говорю, не спорю здесь я с вами?
Не с вами с башни сей на пышный сад гляжу?
 Или, сплетясь руками,
Зачем не вместе мы внимаем шуму вод,
Бьющих искрами и пеною о камень?

Не вместе смотрим здесь на солнечный восход,
На потухающий на крае неба пламень?
Мне с вами всё казалось бы мечтой,
Несвязным, смутным сновиденьем,
Всё, всё, что встретил я, простясь с уединеньем,
Увы! что у меня и счастье, и покой,
И тишину души младенческой отъяло
И сердце бедное так больно растерзало!—
При вас, товарищи, моя утихнет кровь,
И я в родной стране забуду на мгновенье
Заботы и тоску, и скуку и волненье,
Забуду, может быть, и самую любовь!

*14 июля 1818
Царское Село*

3. К ПУШКИНУ

Счастлив, о Пушкин, кому высокую душу Природа,
Щедрая Матерь, дала, верного друга — мечту,
Пламенный ум и не сердце холодной толпы! Он всемогущ
В мире своем; он творец! Что ему низких рабов,
Мелких, ничтожных судей, один на другого похожих, —
Что ему их приговор? Счастлив, о милый певец,
Даже бессильною завистью Злобы — высокий любимец,
Избранник мощных Судеб! огненной мыслию он
В светлое небо летит, всевидящим взором читает
И на челе и в очах тихую тайну души!
Сам Кронид для него разгадал загадку Созданья, —
Жизнь вселенной ему Феб-Аполлон рассказал.
Пушкин! питомцу богов хариты рекли: «Наслаждайся!» —
Светлою, чистой струёй дни его в мире текут.
Так, от дыханья толпы всё небесное вянет, но Гений
Девствен могущей душой, в чистом мечтаньи — дитя!
Сердцем выше земли, быть в радостях ей не причастным
Он себе самому клятву священную дал!

1818

4. К ПУШКИНУ ИЗ ЕГО НЕТОПЛЕННОЙ КОМНАТЫ

К тебе зашел согреть я душу;
Но ты теперь, быть может, Грушу
К неистовой груди прижал
И от восторга стиснул зубы,
Иль Оленьку целуешь в губы
И кудри Хлои разметал;
Или с прелестной бледной Лилой
Сидишь и в сладостных глазах,
В ее улыбке томной, милой,
Во всех задумчивых чертах
Ее печальный рок читаешь
И бури сердца забываешь
В ее тоске, в ее слезах.
Мечтою легкой за тобою
Моя душа унесена
И, сладострастия полна,
Целует Олю, Лилу, Хлою!
А тело между тем сидит,
Сидит и мерзнет на досуге:
Там ветер за дверьми свистит,
Там пляшет снег в холодной вьюге;
Здесь не тепло; но мысль о друге,
О страстном, пламенном певце,
Меня ужели не согреет?
Ужели жар не проалееет
На голубом моем лице?
Нет! над бумагой костенеет
Стихотворящая рука...
Итак, прощайте вы, пенаты
Сей братской, но не теплой хаты,
Сего святого уголка,
Где сыну огненного Феба,
Любимцу, избраннику неба,
Не нужно дров, ни камелька;
Но где поэт обыкновенный,
Своим плащом непокровенный,
И с бедной Музой бы замерз,
Заснул бы от сей жизни тленной
И очи, в рай перенесенный,
Для вечной радости отверз!

1819 (?)

5. ПОЭТЫ

И им не разорвать венца,
Который взяло дарованье!
Жуковский

О Дельви́г, Дельви́г! что награда
И дел высоких, и стихов?
Таланту что и где отрада
Среди злодеев и глупцов?
Стадами смертных зависть правит;
Посредственность при ней стоит
И тяжкою пятою давит
Младых избранников харит.
Зачем читал я их скрижали?
Я отдыха своей печали
Нигде, нигде не находил!
Сычи орлов повсюду гнали;
Любимцев таинственных сил
Безумные всегда искали
Лишить парения и крил.
Вы, жертвы их остервененья,
Сыны огня и вдохновенья,
Мильгон, и Озеров, и Тасс!
Земная жизнь была для вас
Полна и скорбей, и отравы;
Вы в дальний храм безвестной славы
Тернистою дорогой шли;
Вы с жадностию в гроб легли.
Но ныне смолкло вероломство:
Пред вами падает во прах
Благоговейное потомство;
В священных, огненных стихах
Народы слышат прорицанья
Сокрытых для толпы судеб,
Открытых взору дарованья!
Что пользы? — Свой насущный хлеб
Слезами грусти вы кропили;
Вы мучились, пока не жили.

На небесах и для небес,
До бытия миров и века,
Всемощный, чистый бог Зевес
Создал счастливец-человека.
Он землю сотворил потом
В странах, куда низринул гром
Свирепых, буйных великанов,

Детей Хаоса, злых Титанов.
Он бросил горы им на грудь,
Да не возмогут вновь тряхнуть
Олимпа твердыми столпами,
И их алмазными цепями
К ядру земному приковал, —
Но, благостный, он им послал
В замену счастья, в утешенье
Мгновенный призрак, *наслажденье*, —
И человек его узрел,
И в призрак суетный влюбился;
Бессмертный вдруг отяжелел,
Забыл свой сладостный удел
И смертным на землю спустился:
И ныне рвется он, бежит,
И наслажденья вечно жаждет,
И в наслажденьи вечно страждет,
И в пресыщении грустит!

Но скорбию его смягченный,
Сам Кронион, отец вселенны,
Низводит на него свой взор,
Зовет духов — высокий хор,
Зовет сынов своих небесных,
Поющих звук нектарных чаш
В пеанах мощных и прелестных,
Поющих мир и жребий наш,
И рок, и гнев эриннии строгий,
И вечный ваш покой — о боги!
Все обступают светлый трон
Веселой, пламенной толпою, —
И небо полно тишиною,
И им вещает Кронион:
«Да внемлет в страхе всё творенье:
Реку — судеб определенье,
Непременяемый закон!
В страстях и радостях минутных
Для неба умер человек,
И будет дух его вовек
Раб персти, раб желаний мутных,
И только есть ему одно
От жадной гибели спасенье,
И вам во власть оно дано:
Так захотело провиденье!
Когда избранники из вас,
С бессмертным счастьем разлучась,
Оставят жребий свой высокий,
Слетят на смертных шар далекий
И, в тело смертных облачась,
Напомнят братьям об отчизне,

Им путь укажут к полной жизни:
Тогда, с прекрасным примирен,
Род смертных будет искуплен!»

И всколебался сонм священный,
И начали они слетать
И об отчизне сокровенной
Народам и векам вещать.
Парят Поэты над землею
И сыплют на нее цветы,
И водят граций за собою, —
Кругом их носятся мечты
Эфирной, легкою толпою.
Они веселий не бегут;
Но, верны чистым вдохновеньям,
Ничтожным, быстрым наслажденьям
Они возвышенность дают.
Цари святого песнопенья!
В объятьях даже заблужденья
Не забывали строгих дев:
Они страшились отверженья;
Им был ужасен граций гнев!
Под сенью сладостной прохлады
За чашей пел Анакреон;
Он пел тебя, о Купидон,
Твои победы и награды!
И древним племенам Эллады —
Без прелести, без красоты —
Уже не смел явиться ты.
Он пел вино — и что же? Греки
Не могут уж, как скифы, пить;
Не могут в бешенстве пролить
Вина с реками крови реки!

Да внемлют же Поэтам веки!
Ты вечно будешь их учить —
Творец грядущих дарований,
Вселенная картин и знаний,
Всевидец душ, пророк сердец —
Гомер, — божественный певец!
В не связанной ничем свободе
Ты всемогущий чародей,
Ты пишешь страсти и людей
И возвращаешь нас Природе
Из светских, тягостных цепей.
Вас вижу, чада Мельпомены:
Ты вождь их, сумрачный Эсхил,
О жрец ужасных оных сил,
Которые казнят измены,

Карают гнусную любовь
И мстят за пролитую кровь.
В руке суровой Ювенала
Злодеям грозный бич свистит
И краску гонит с их ланит,
И власть тиранов задрожала.
Я слышу завыванье бурь:
И се в одежде из тумана
Несется призрак Оссиана! —
Покрыта мрачная лазурь
Над ним немymi облаками.
Он страшен дикими мечтами;
Он песней в душу льет печаль;
Он душу погружает в даль
Пространств унылых, замогильных!
Но раздается резкий звук:
Он славит копий бранный стук
И шлет отраду в сердце сильных.
А вы — благословляю вас,
Святые барды Туискона!
И пусть без робкого закона
По воле ваша песнь лилась;
Вы говорили о высоком;
Вы обнимали быстрым оком
И жизнь земли и жизнь небес;
Вы отирали токи слез
С ланит гонимого пороком!
Тебе, души моей Поэт,
Тебе коленопреклоненье,
О Шиллер, скорбных утешенье,
Во мне ненастья тихий свет!
В своей обители небесной
Услышь мой благодарный глас!
Ты был мне всё, о бард чудесный,
В мучительный, тяжелый час,
Когда я говорил, унылый:
«Летите, дни! вы мне немы!»

Их зрела и святая Русь —
Певцов и смелых и священных,
Пророков истин возвышенных!
О край отчизны, — я горжусь!
Отец великих, Ломоносов,
Огонь средь холода и льдин,
Полночных стран роскошный сын!
Но ты — единственный философ,
Державин, дивный исполин, —
Ты пройдешь мглу веков несчетных,
В народах будешь жить несчетных —
И твой питомец. Славянин,

Петром, Суворовым, тобою
Великий в храме бытия,
С своей бессмертною судьбою,
С делами громкими ея —
Тебя похитит у забвенья!
О Дельвиг! Дельвиг! что гоненья?
Бессмертие равно удел
И смелых, вдохновенных дел,
И сладостного песнопенья!
Так! не умрет и наш союз,
Свободный, радостный и гордый,
И в счастье и в несчастье твердый,
Союз любимцев вечных муз!
О вы, мой Дельвиг, мой Евгений!
С рассвета ваших тихих дней
Вас полюбил небесный Гений!
И ты — наш юный Корифей —
Певец любви, певец Руслана!
Что для тебя шипенье змей,
Что крик и Филина и Врана? —
Лети и вырвись из тумана,
Из тьмы завистливых времен.
О други! песнь простого чувства
Дойдет до будущих племен —
Весь век наш будет посвящен
Труду и радостям искусства;
И что ж? пусть презрит нас толпа:
Она безумна и слепа!

Между январем и мартом 1820

6. К ЕВГЕНИЮ

*Contumelia non fregit eum, sed erexit.*¹

С наморщенным челом потухшими глазами
Глядит на светлый мир стоический глупец —
Что для него весна с любовью и мечтами
И что бессмертия венец?

«Всё в жизни суета, и наш удел — терпенье!» —
Впросонках говорит жиреющий Зенон —
И дураку толпа приносит удивленье,
Для черни прорицатель он!

А я пою тебя, страдалец возвышенный,

¹ Поношение не сокрушило его, а вознесло (лат.) — Ред. “Библиотеки поэта”

Постигнутый Судьбы железною рукой,
Добыча злых глупцов и зависти презренной,
Но вечно пламенный душой!

И если я когда был полон вдохновенья —
И не вотще душа моя
Ловила Пиэрид живые песнопенья,
Бессмертна будет песнь сия!

Узнают племена, как ты друзей и радость,
Любовь и славу пел, —
А злоба между тем твою губила младость,
И музы от тебя не отвращали стрел;

Я сам, незапно Зевсом пораженный
И очернен дыханьем клеветы, —
Тогда лишь понял изумленный,
Как был велик в несчастьи ты!

И лавр, Каменной мне обещанный когда-то,
Но юной полнотой твоих душевных сил
И сладостью стихов пылающих отъятый,
Тебе я радостный вручил.

Первая половина 1820

7. К ПУШКИНУ

Мой образ, друг минувших лет,
Да оживет перед тобою!
Тебя приветствую, Поэт!
Одной постигнута судьбою,
Мы оба бросили тот свет,
Где мы равно терзались оба,
Где клевета, любовь и злоба
Размучили обоих нас!
И не далек, быть может, час,
Когда при черном входе гроба
Иссякнет нашей жизни ключ;
Когда погаснет свет денницы,
Крылатый, бледный блеск зарницы,
В осеннем небе хладный луч!
Но се — в душе моей унылой
Твой чудный Пленник повторил
Всю жизнь мою волшебной силой
И скорбь немую пробудил!
Увы! как он, я был изгнанник,

Изринут из страны родной
И рано, безотрадный странник,
Вкушать был должен хлеб чужой!
Куда, преследован врагами,
Куда, обманут от друзей,
Я не носил главы своей,
И где веселыми очами
Я зрел светило ясных дней?
Вотще в пучинах тихоструйных
Я в ночь, безмолвен и уныл,
С убийцей-гондольером плыл,¹
Вотще на поединках бурных
Я вызывал слепой свинец:
Он мимо горестных сердец
Разит сердца одних счастливых!
Кавказский конь топтал меня,
И жив в скалах тех молчаливых
Я встал из-под копыт коня!
Воскрес на новые страданья,
Стал снова верить в упованье,
И снова дикая любовь
Огнем свирепым сладострастья
Зажгла в увядших жилах кровь
И чашу мне дала несчастья!
На рейнских пышных берегах,
В Лютеции, в столице мира,
В Гесперских радостных садах,
На смежных небесам горах,
О коих сладостная лира
Поет в златых твоих стихах,
Близ древних рубежей Персиды,
Средь томных северных степей —
Я был добычей Немезиды,
Я был игралищем страстей!
Но не ропщу на провиденье:
Пусть кроюсь ранней сединой,
Я молод пламенной душой;
Во мне не гаснет вдохновенье,
И по нему, товарищ мой,
Когда, средь бурь мятежной жизни,
В святой мы встретимся отчизне,
Пусть буду узнан я тобой.

Апрель — май 1822

¹ Отправляясь из Виллафранки в Ниццу морем, в глухую ночь, я подвергся было опасности быть брошенным в воды.

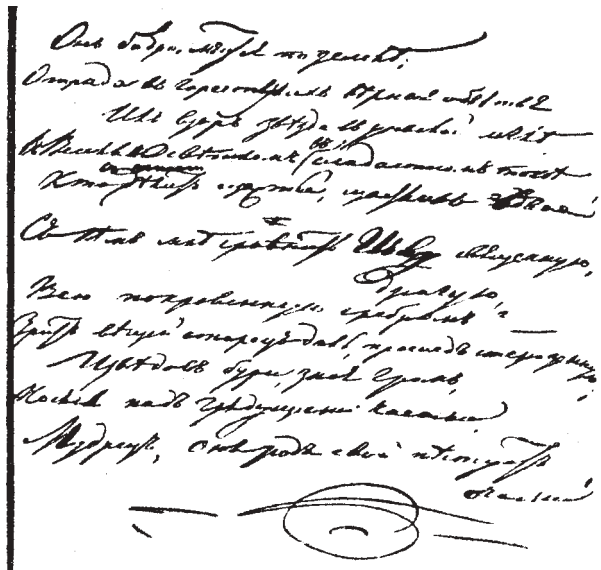
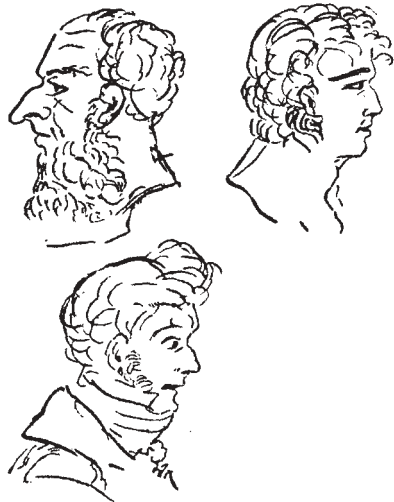
8. ПАМЯТИ ГРИБОЕДОВА

Когда еще ты на земле
Дышал, о друг мой незабвенный!
А я, с тобою разлученный,
Уже страдал в тюремной мгле, —
Почто, виденьем принесенный,
В отрадном, благодатном сне
Тогда ты не являлся мне?
Ужели мало, брат мой милый,
Я, взятый заживо могилой,
Тоскуя, думал о тебе?
Когда в боязненной мольбе
Слова в устах моих коснели,
Любезный образ твой ужели
Без слез, без скорби звал к себе?
Вотще я постирал объятья,
Я звал тебя, но звал вотще;
Бессильны были все заклатья,
Ты был незрим моей мечте.
Увы мне! только раз единый
Передо мной полночный мрак
Воззвал возлюбленный призрак —
Не в страшный ль час твоей кончины?
Но не было глубоких ран,
Свидетелей борьбы кровавой,
На теле избранного славой
Певца, воспевшего Иран¹
И — ах! — сраженного Ираном! —
Одеян не был ты туманом,
Не искажен и не уныл,
Не бледен... Нет, ты ясен был:
Ты был в кругу моих родимых,
Тобой незнанных, но любимых,
Тебя любивших, не видав.
В виденьи оной вещи ночи
Твои светлее были очи,
Чем среди смехов и забав,
В чертогах суеты и шума,
Где свой покров нередко дума
Бросала на чело твое, —
Где ты прикрыть желал ее
Улыбкой, шуткой, разговором...
(Но дружбе взор орлиный дан:

¹ Относится к поэме Грибоедова, схожей по форме своей с Чаилдом-Гарольдом; в ней превосходно изображена Персия. Этой поэмы, нигде не напечатанной, не надобно смешивать с драмой, о которой упоминает Булгарин.

Великодушный твой обман
 Орлиным открывала взором.)
 Так! мне однажды только сон
 Тебя представил благотворный;
 С тех пор, суровый и упорный,
 Отказывал мне долго он
 Привлечь в обитель испытанья
 Твой дух из области сиянья.
 И между тем мои страданья
 Копились и росли. — Но вдруг
 Ты что-то часто, брат и друг,
 Златую предввара денницу,
 Спускаться стал в мою темницу.
 Или зовешь меня туда,
 Где ты, паря под небесами,
 Ликуешь с чистыми духами,
 Где вечны свет и красота,
 В страну покоя над звездами?
 Или же (много я любил!)
 Те, коих взор и в самом мраке,
 Как луч живительных светил,
 Как дар былого, я хранил,
 Все, все в твоём слиялись зраке?

1829

9. СОНЕТЫ

1

РОЖДЕСТВО

Сей малый мир пред оными мирами,
Которые бесчисленной толпой
Парят и блещут в тверди голубой,
Одна пылинка; мы же — что мы сами?

Но солнцев сонм, катящихся над нами,
Вовеки на весах любви святой
Не взвесит ни одной души живой;
Не весит вечный нашими весами.

Ничто вселенна пред ее Творцом;
Вещал же так Творец и Царь вселенной:
«Сынов Адама буду я Отцом;
Избавлю род их, смертью уловленный, —
Он не погибнет пред Моим лицом!» —
И Бог от девы родился смиренной.

2 января 1832

2

ПАСХАЛЬНЫЙ ПЕРВЫЙ

Меня беды и скорби посещали
От дней младенчества до седины;
Я, наконец, и горе и печали
Так встречу, как утес напор волны.

Но что — хулы меня ли взволновали?
Все чувства чем во мне возмущены?
Слуга Христов, бесславлен миром, я ли
Лишился вдруг сердечной тишины?

Кто я? ничтожный грешник! А чудесный,
Божественный, Господь, Владыка сил,
Явился ли, одетый в блеск небесный?
Нет! в прахе он, Светлейший всех светил,
Он в низости окончил путь Свой тесный
И дух на древе срама испустил!

3 марта 1832

3

ПАСХАЛЬНЫЙ ВТОРОЙ

«Почто я не перунами владею
И грянуть не могу велеть громам?
Нет! не стерплю: коварному злодею,
Ковавшему погибель мне, воздам!» —

Так, пьян от мести, рьян и шумен ею,
Свирепым, адским жертвуя духам,
О Боже мой! пред благостью Твоею
Возносит грешник вопли к небесам.

Но тот, который с самого создання
Единый был безвинен пред тобой,
Приял неизреченные страданья,
А весь, исполненный любви святой:
«Отец мой, отпусти им грех незнанья!» —
Молился за объятых слепотой.

4 марта 1832

4

МАГДАЛИНА У ГРОБА ГОСПОДНЯ

Мария, в тяжкой горести слепая,
Назвала вертоградарем того,
Кто, гроб покинув, ей вещал: «Кого
Здесь в гробе ищешь, плача и рыдая?»

И отвечала: «Тела не нашла я...
Ах! Господа отдай мне моего!»
Но вдруг он рек: «Мария!» — и Его
В восторге узнает жена святая...

Не так ли, больший, чем она, слепец,
Взывал я, с промыслом всевышним сноря:
«Почто меня оставил мой Творец?»
А Ты — Ты был со мной и среди горя!
Я утопал, но за руку, Отец,
Ты удержал меня над бездной моря.

6 марта 1832

6
ВОЗНЕСЕНИЕ

Божественный на Божием престоле;
Христос на небо, выше всех светил,
В Свое отечество, туда, отколе
Сошел на землю, в славе воспарил.

Своих же не покинул Он в неволе,
Их не оставил в узах темных сил:
Нет! слабых их и трепетных дотолле
Неколебимым сердцем одарил.

И всех стремящихся к Его святыне,
Горе на крыльях душ Ему вослед,
Он свыше укрепляет и поныне:
Им песнь Эдема слышится средь бед,
Средь бурь, в юдоли слез, в людской пустыне,
И так вещает: «Близок день побед!»

19 мая 1832

10. МОЛИТВА

Прибегну к Господу с мольбою,
Небесного взыщу Отца:
Не дай мне, Боже, пасть душою,
Но да креплюся до конца!

Ты знаешь испытаний меру,
Что мне во благо, знаешь ты:
Пролей живительную веру
В меня с надзвездной высоты!

Душа моя не есть ли поле,
Иссохшее в тяжелый зной?
О Боже, Боже мой, доколе
Отринут буду я Тобой?

Не презри Твоего создання;
Твое творенье я, Творец!
Нечистые мои мечтанья
Сорви, исторгни, как волчец;

Низвергни в море преступленья
Грех буйной юности моей;
Даруй мне тихие моленья;
Очисти взор моих очей!

Да устремлю туда желанья,
Где ужаса и скорби нет,
Где блеском вечного сиянья
Господень вертоград одет.

Первая половина 1830-х годов

11. МОЛИТВА УЗНИКА

Руку прости над моею темницей,
Господи! сирую душу мою
Ты осени милосердой десницей!
Господи! Боже! к Тебе вопию!

Нет! своего не погубишь созданья!
Скорбных ли чад не услышит отец?
Зри мои слезы, сочти воздыханья,
Веры моей не отвергни, Творец!

Мне не избавиться смертных рукою:
Друг мой и ближний мне гибель изрек.
Так! я спасуся единым Тобою!
Господи! что пред Тобой человек?

Боже мой! тяжки мои преступленья,
Мерила нет моим тяжким делам...
О! да воскресну из уз заточенья
Чист и угоден Господним очам!

Будь для меня исцеляющей чашей,
Чашей спасения, горестный плен!
Слезы! омоясь купелию вашей,
Нов я изыду из сумрачных стен;

Нов и для жизни, Ему посвященной.
Он мой спаситель, заступник и Бог;
С неба внимает молитве смиренной:
Милостив Он, Он отечески строг.

Первая половина 1830-х годов

12. АНГЕЛ

На небесах небес пред славою Господней
Блаженный некий ангел предстоял;
От звезд бесчисленных до мрака преисподней
Вселенную он взором обтекал;

И се — на темный шар свои низводит очи,
Где среди гробов и тлеющих костей
Витает человек, слиянье дня и ночи,
Брат серафимов, брат червей.

И что же? Сатана, бессмертных искуситель,
Воздвигся шумен и покинул ад, —
И потряслась за ним бездонная обитель,
И он из проклятых навеки врат,

Ревущий, алчный лев, ловец ненасытимый,
Хулитель древний, темный, падший дух,
Вступает в светлый сонм, единым Богом зримый,
И шепчет ангелу в отверстый слух:

«Непостижимый — благ... Почто же на страданье
Он землю, дело рук Своих, обрек?»
Внял ангел: вдруг его померкнуло сиянье;
Уже он на земле — он человек.

Борим боязнию, игралище надежды,
Он жизнь за грех казнится днем;
Но ночью, когда его сомкнутся вежды,
Вспомнив о товарище своем,

Толпою ангелы из рая прилетают,
Изгнанника на радужных крылах
Быстрее молнии в отчизну восхищают:
Он ангел вновь, — он вновь на небесах;

И видит он духов, страданьем омовенных,
Как золото, очищенных огнем,
И раздается песнь восторгом окрыленных:
«Отца страданий славим и поем!»

Увы! и я тужу, и я изгнан из рая:
Узрю ли, встречу ли мою семью?
По вас тоскую я, к вам руки простирая,
Блаженствую, когда я слезы лью.

И вы, родимые, вы брата посещали?
Я вас видал в златых, счастливых снах.
Являлись — исчезал туман моей печали;
Был с вами я, был в закупских лугах.

Первая половина 1830-х годов

13. ТЕНИ ПУШКИНА

Итак, товарищ вдохновенный,
И ты! — а я на прах священный
Слезы не пролил ни одной:
С привычки к горю и страданиям
Все высохли в груди больной.
Но образ твой моим мечтаньям
В ночах бессонных предстоит,
Но я тяжелой скорбью сыт,
Но, мрачный, близ жены мне милой
И думать о любви забыл..
Там мысли, над твоей могилой!
Смолк шорох благозвучных крыл
Твоих волшебных песнопений,
На небо отлетел твой гений;
А визги желтой клеветы
Глупцов, которые марали,
Как был ты жив, твои черты.
И ныне, в час святой печали,
Бездушные, не замолчали!
Гордись! Ей-Богу, стыд и срам
Их подлая любовь! — Пусть жалят!
Тот пуст и гнил, кого все хвалят;
За зависть дорого я дам.
Гордись! Никто тебе не равен,
Никто из сверстников-певцов:
Не смеркнешь ты во мгле веков, —
В веках тебе клевет Державин.

24 мая 1837

14. 19 ОКТЯБРЯ 1837 ГОДА

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В середине поприща побед и славы,
Исполненный несокрушимых сил!
Блажен! лицо его всегда младое,
Сиянием бессмертия горя,
Блестит, как солнце вечно золотое,
Как первая эдемская заря.

А я один среди чуждых мне людей
Стою в ночи, беспомощный и хилый,
Над страшной всех надежд моих могилой,
Над мрачным гробом всех моих друзей.
В тот гроб бездонный, молнией сраженный,
Последний пал родимый мне поэт...
И вот опять Лицея день священный;
Но уж и Пушкина меж вами нет!

Не принесет он новых песней вам,
И с них не затрепещут перси ваши;
Не выпьет с вами он задравной чаши:
Он воспарил к заоблачным друзьям.
Он ныне с нашим Дельвигом пирует;
Он ныне с Грибоедовым моим:
По ним, по ним душа моя тоскует;
Я жадно руки простираю к ним!

Пора и мне! — Давно судьба грозит
Мне казней нестерпимого удара:
Она меня того лишает дара,
С которым дух мой неразлучно слит!
Так! перенес я годы заточенья,
Изгнание, и срам, и сиротство;
Но под щитом святого вдохновенья,
Но здесь во мне пылало божество!

Теперь пора! — Не пламень, не перун
Меня убил; нет, вязну среди болота,
Горою давят нужды и забота,
И я отвык от позабытых струн.
Мне ангел песней рай в темнице душевной
Когда-то созидал из снов золотых;
Но без него не труп ли я бездушный
Средь трупов столь же хладных и немых?

19 октября 1838

15. * * *

До смерти мне грозила смерти тьма,
И думал я: подобно Оссиану,
Блуждать во мгле у края гроба стану;
Ему подобно, с дикого холма
Я устремлю свои слепые очи
В глухую бездну нерассветной ночи,
И не увижу ни густых лесов,
Ни волн полей, ни бархата лугов,
Ни чистого, лазоревого свода,
Ни солнцева чудесного восхода;
Зато очами духа узрю я
Вас, вещие таинственные тени,
Вас, рано улетевшие друзья,
И слух склоню я к гулу дивных пеней,
И голос каждого я различу,
И каждого узнаю по лицу.
Вот первый: он насмешливый, угрюмый,
С язвительной улыбкой на устах,
С челом высоким под завесой думы,
Со скорбию во взоре и чертах!
В его груди, восторгами томимой,
Не тот же ли огонь неодолимый
Пылал, который некогда горел
В сердцах метателей Господних стрел,
Объятых духом Вышнего пророков?
И что ж? неумолимый враг пороков
Растерзан чернью в варварском краю...
А этот край он воспевал когда-то,
Восток роскошный, нам, сынам заката,
И с ним отчизну примирил свою! —
И вот другой: волшебнo-сладкогласный
Сердец властитель, мощный чародей,
Он вдунул, будто новый Промефей,
Живую душу в наш язык прекрасный...
Увы! погиб довременно певец:
Его злодейский не щадил свинец!
За этою четою исполинской
Спускаются из лона темноты
Еще две тени: бедный Дельвиг, ты,
И ты, его товарищ, Баратынский!
Отечеству драгие имена,
Поэзии и дружеству святыя!
Их музы были две сестры родные,
В них трепеталась душа — одна!

25 и 26 октября 1845

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание избранных стихотворений В. К. Кюхельбекера включает, по мнению составителя, все наиболее ценные в литературном и литературно-историческом плане стихотворения поэта, чьё наследие достаточно велико и разнопланово. Тексты печатаются по самому авторитетному изданию Кюхельбекера на сегодняшний день — по „Избранным произведениям в двух томах“, М.-Л. 1967, Большая серия Библиотеки поэта. Составитель настоящего издания ограничился лишь малой частью стихотворений, оставив за границей большую часть стихотворений, а также поэмы и драматические произведения. Это обусловлено низким литературным уровнем опытов автора, хотя, признаться, для нас приятной неожиданностью стало знакомство с творчеством Кюхельбекера в целом. Поскольку, осуждённый пожизненно, Кюхельбекер большинство стихотворений связывал с раскаянием о своём

поступке, глубинном раскаянии, обращенном к Богу. Его темой стала тема молитвы и Библии, Иисуса Христа и его жертвы.

Примечания, портреты и факсимиле рукописи Кюхельбекера заимствованы нами также из издания Большой серии, целиком подготовленном Н.В.Королёвой.

Таблица сопоставления нашего издания с изданием Большой серии

<u>№</u>	<u>№БС</u>	<u>строки</u>	<u>стр.</u>	<u>строки</u>	<u>стр.</u>	<u>строки</u>	<u>стр.</u>	<u>примечание</u>	<u>стр.</u>
1	11	1-12	77	13-30	78				610
2	30	1- 8	94	9-50	95	51-59	96		613
3	31	все	96						613
4	39	1- 4	108	5-конец	109				614
5	61	1-25	128	26-65	129	66-106	130	до „любителей“	616
		107-147	131	148-188	132	189-213	133	с „русской“	617
6	62	1-8	133	9-28	134				617
7	79	1-27	153	28-конец	154			до „которую напи-“ с „сал к Пушкину“	621 622
8	118	1-16	221	17-53	222	54-65	223		631
9	126	I-II	235	III-IV	236	V	237	до „сонетов — биб-“ с „лейская история“	632 633
10	153	1-8	287	9-конец	288				641
11	154	1-16	288	17-24	289				641
12	155	1-24	289	25-40	290				641
13	158	1-22	293	23-26	294				641
14	160	1-5	295	6-конец	296				642
15	181	1-25	313	26-44	314				647

Условные сокращения, принятые в примечаниях

- ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.
- ИГ — «Извлечения из Собрания лицейских стихотворений 1-го курса, сделанные Гротом Яковом Карловичем в трех тетрадах», 1833. Содержит восемь лицейских стихотворений Кюхельбекера. Хранится в Пушкинском Доме. Здесь же — рукопись: «Собрание напечатанных лицейских стихотворений разных лиц», где имеются четыре стихотворения Кюхельбекера из «извлеченных» Я. К. Гротом. К. — Кюхельбекер В. К.
- ЛБ — Рукописный отдел Государственной библиотеки им. Ленина.
- ЛБ1 — Тетрадь автографов стихотворений второй половины 1810-х — начала 1820-х годов. Хранится в ЛБ.
- ЛБ2 — Тетрадь автографов стихотворений и поэм 1831—1833 гг. Хранится в ЛБ.
- ЛБ3 — Тетрадь автографов стихотворений 1817—1840 гг. Хранится в ЛБ.
- ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР.
- ПД1 — Тетрадь автографов стихотворений 1810-х—1822 гг. Заполнялась в 1820-м и после 1820 г. Первые листы вырваны. Стихотворения вписаны в ранних вариантах с последующей прав-коп, которая для стихов, опубликованных в 1820 г. и ранее, — всегда более поздняя, чем журнальная публикация. Хранится в ПД.
- ПД2 — Тетрадь автографов стихотворений начала 1820-х годов. Бумага с водяным знаком «1821». Заполнялась по возвращении из-за границы; вписаны отдельные более ранние стихотворения. Содержит 20 стихотворений. Хранится в ПД.
- ПД3 — Тетрадь автографов стихотворений 1820—1830-х годов, известная под названием «Песни отшельника». Содержит стихотворения периода заточения и ссылки; по-видимому, начала заполняться после 1831 г., так как до этого стихотворения вписаны набело не в хронологической последовательности. Содержит 90 лирических стихотворений (№№ 1—85), в том числе отрывки из поэм «Юрий и Ксения» и «Агасвер» в виде самостоятельных стихотворений. Хранится в ПД. Здесь же — копия этой тетради.
- СС1, СС2 — В. К. Кюхельбекер [Собрание сочинений в двух томах], т. 1 — Лирика и поэмы; т. 2 — Драматические произведения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1939.

1 (11). „Невский зритель“, 1820, ч. I, февраль, с. 91, подпись: Вильгельм Кюхельбекер. Ранние ред.: список — ИГ, т. 3 (опубл. К. Я. Грот, «Пушкинский лицей (1811—1817). Бумаги I курса», СПб., 1911, с. 176), автограф — ПД1.

2 (30). „Сын отечества“, 1818, № 35, с. 129, под загл. «К Пушкину и Дельвигу (из Царского Села)», подпись: Вильгельм Кбръ, ц. р. 27 августа 1818 г.; „Благонамеренный“, 1818, № 8, с. 133, под загл. «Послание к Д... и П», подпись: Вильгельм, ц. р. 2 июля 1818 г. Печ. по автографу ЛБ1. В 1833 г. К. записал в дневнике о своем раннем произведении, что это «послание, *comme il y en a tant* <каких так много. — *франц.*>, сверх того написано очень небрежно...» *Тройственный союз* — дружба Пушкина, Дельвига и К. Тебя, мой огненный, чувствительный певец и т. д. Речь идет об А. С. Пушкине. *Арьост* — Ариосто Лудовико (1474-1533), итальянский поэт. *Парни Эварист Дезире де Форж* (1753-1814) — французский поэт. *Петрарка Франческо* (1304-1374) — итальянский поэт. *Баян* — легендарный древнерусский поэт, упоминаемый в «Слове о полку Игореве».

3 (31). „Благонамеренный“, 1818, № 8, с. 136, подпись: Вильгельм. Печ. по автографу ПД1.

4 (39). „Литературное наследство“, т. 16-18, М., 1934, с. 342, в статье Ю. Н. Тынянова «Пушкин и Кюхельбекер». Печ. по СС1. Автографы — ЛБ3, ЛБ1, под загл. «К П... Из его нетопленной комнаты».

5 (61). „Соревнователь просвещения и благотворения“, 1820, № 4, с. 72, подпись: В. Кюхельбекер. Эпиграф из послания В. А. Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814-1815). Читалось в собрании Вольного общества любителей российской словесности 22 марта 1820 г. и послужило поводом доноса В. Каразина на К. *Мильтон Джон* (1608-1674) — английский поэт, публицист, политический деятель. Был слеп и терпел крайнюю нужду. *Озеров Владислав Александрович* (1769-1816) — русский драматург, введивший в классическую трагедию элементы сентиментализма. Прославленный в 1800-е годы, к концу жизни он был оттеснен на второй план Шаховским и его сторонниками, впал в нищету и сошел с ума. *Тасс* — Тассо Торквато (1544-1595), итальянский поэт, живший в нищете, объявленный безумным и заточенный в тюрьму герцогом Феррарским, в сестру которого был влюблен, и лишь перед смертью признанный и увенчанный лавровым венком. *Анакреон* (ок. 570-478 до н. э.) — древнегреческий поэт, воспевавший любовь и вино. *Эсхил* (525-456 до н. э.) — древнегреческий поэт-трагик. *О жрец ужасных оных сил*. Имеются в виду богини мщения эриннии, которые действуют в ряде произведений Эсхила (трилогия «Орестея»). *Ювенал*

Децим Юний (60-е гг. -127) — римский поэт-сатирик *Оссиан* — легендарный певец, герой кельтского народного эпоса. «Поэмы Оссиана» (1762-1765) созданы Дж. Макферсоном (1736-1796) на основе кельтских сказаний и являются крупнейшим произведением предромантизма. *Святые барды Туискона*. Здесь: поэты Германии. Туискон — мифический родоначальник германских племен. *Евгений* — Е. А. Баратынский. *Юный Корифей* — А. С. Пушкин.

6 (62). В. К. Кюхельбекер, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), 1939, с. 49. Печ. по СС1. Автограф — ПД1, первонач. заглавие: «Е.....». Обращено к поэту Евгению Абрамовичу Баратынскому (1800-1844), с которым в эти годы К. был очень дружен. Эпиграф — из «Биографии Фемистокла» Корнелия Непота, гл. 1, § 3. *Зенон* — здесь, по-видимому, древнегреческий философ (ок. 336-264 до н. э.), основатель стоической школы. *А я пою тебя, страдалец возвышенный* и т. д. В 1816 г. Баратынский за мальчишеский проступок был исключен из Пажеского корпуса, в 1819 г. зачислен рядовым в один из петербургских полков; 4 января 1820 г. произведен в унтер-офицеры и переведен в Нейшлотский полк, стоящий в Финляндии. Самим Баратынским и его друзьями, Дельвигом, Пушкиным, К., этот перевод рассматривался как род ссылки. *Я сам, незапно Зевсом пораженный* и т. д. Речь идет, возможно, о неприятностях в связи со стих. «Поэты».

7 (79). „Русский архив“, 1871, № 2, с. 171. Написано под непосредственным впечатлением чтения поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник» (в рукописи, весной 1822 г.), о чем позже К. писал Жуковскому (17 февраля 1823 г.): «Прилагаю при сем безделку, которую написал к Пушкину, прочитав его Кавказского пленника. . .» (в конце письма — текст стихотворения «К Пушкину»). — „Русский архив“, 1871, № 2, с. 171. По-видимому, сразу же по написании было послано Пушкину, который писал Гнедичу 13 мая 1822 г.: «Кюхельбекер пишет мне четырехстопными стихами, что он был в Германии, в Париже, на Кавказе и что он падал с лошади. Все это кстати о Кавказском пленнике». *Одной постигнуты судьбою* и т. д. Пушкин весной 1822 г. был в ссылке в Бессарабии; К. свою службу на Кавказе под начальством Ермолова воспринимал также как род ссылки. *Вотще на поединках, бурных* и т. д. К. дрался на дуэли с Н. Н. Похвисневым на Кавказе в начале 1822 г.; кроме того, известен случай дуэли К. с Пушкиным в 1818 г. *На рейнских пышных берегах* и т. д. Воспоминание о путешествии за границей 1820-1821 гг. *Лютеция* — Париж. *Гесперские сады* — здесь: Италия. *На смежных небесам горах* — на Кавказе.

8 (118). «Собрание стихотворений декабристов», Лейпциг, 1862, с. 95. Печ. по автографу ПД3. Написано, по-видимому, вскоре после получения К. известия о смерти Александра Сергеевича Грибоедова, который погиб в Персии 30 января 1829 г. *В отрадном, благодатном сне*. В дневнике К. постоянно встречаются записи «живых снов», когда он видит во сне своих прежних друзей — Пушкина, Дельвига, декабристов, Гете. 28 июня 1832 г. он записывает в дневнике: «Во сне я опять видел Грибоедова и других милых мне» (ср. строки «Ты что-то часто, брат и друг...» и т. д.). Имя покойного друга часто встречается в дневнике К. *Певца, воспевшего Иран*. В СС1, с. 461, приводится иное примечание К. к этой строке: «Se rapporte a un charmant poëme; *Путник* ou *Странник*, dans le genre de Child-Harold (mais sans la morgue et la misanthropie de Byron) dans lequel il avoit peint la Perse; ce poëme n'a jamais ete imprime» (Относится к прелестной поэме *Путник* или *Странник*, вроде Чайльд-Гарольда (но без надменности и мизантропии Байрона), в которой он изобразил Персию; эта поэма никогда не была напечатана. — франц.). *Ты был в кругу моих родимых* и т. д. Грибоедов был заочно знаком и дружен с семейством К. (см., например, письмо Грибоедова к сестре К., Юстине Карловне).

9 (126). В. К. Кюхельбекер, Полное собрание стихотворений, «Библиотека декабристов», в. 11, М., 1908, с. 125. Автограф — ПД3. 2 января 1832 г., после первого сонета «Рождество», К. записал в дневнике: «Если бы мне удалось составить с десятка подобных сонетов на Рождество и с десятка на Пасху, — не худо бы было: картины и мысли такие, какие греки вливали в форму своих гномов и эпиграмм (греческие эпиграммы совсем не то, что наши), у нас, так мне кажется, удачно бы могли быть одетыми в форму сонетов». Во время работы над сонетом «Магдалина у гроба господня» 5 марта 1832 г. появляется еще одна запись: «Целый день бился над сонетом и — по пустякам: Сонет не безделица: рифмовать на одни глаголы не хочется, а прибрать четыре стиха на одну рифму неглагольную на русском языке не слишком легко. Мне в этом случае поверить можно, потому что я написал около 8 тысяч стихов *gime terze* <терцинами>, что также не шутка, но все же *gime terze* не сонет». Сюжеты сонетов — библейская история рождения Иисуса Христа от жены Иосифа, Марии, и его распятия в дни праздника пасхи. *И дух на древе срама испустил*. Христос был распят на кресте вместе с двумя разбойниками. *Мария Магдалина* — грешница, возрожденная Христом к новой духовной жизни и ставшая преданной сторонницей Христа. Сюжет 4-го сонета — Еванг. от Матфея, гл. XXVIII.

10 (153). Собрание стихотворений декабристов, Лейпциг, с. 164. Печ. по автографу ЛБЗ.

11 (154). Собрание стихотворений декабристов, Лейпциг, с. 165. Печ. по автографу ЛБЗ.

12 (155). В. К. Кюхельбекер, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), 1939, с. 166. Автограф — ЛБЗ.

13 (158). ЛВ, 1902, кн. 2, с. 168. Печ. по СС1. Автограф ГПБ. Написано под впечатлением известия о гибели А. С. Пушкина (29 января 1837 г.), полученного К. накануне дня рождения Пушкина (26 мая).

14 (160). “Отечественные записки”, 1861, т. 139, с. 40. Печ. по автографу ПДЗ. 19 октября 1838 г. вписано в дневник, 20 октября того же года послано Наталии Григорьевне Глинке: «С кем же, как не с тобою, поговорить мне про день, который по привычке многих лет стал для меня днем сожалений, воспоминаний и умиления (*resueilleinent*), хотя и не совсем религиозного, но тем не менее теплого и благотворного для сердца? Вчера была наша Лицейская годовщина. Я праздновал ее совершенно один: делиться было не с кем. Однако мне удалось придать этому дню собственно для себя некоторый отлив торжественности, и вот как это случилось. В этот самый день одно здешнее купеческое семейство служит каждый год обедню и панихиду по умершем своем родоначальнике; я надел черный чекмень и отправился в церковь, где, кроме старшего из братьев того семейства и двух маленьких его племянниц, никого не было. *Ich bin kein sehr fleißiger Kirchengänger* <я не очень прилежный посетитель церкви. — нем.> и очень заметил, что купцу показалось несколько странным видеть меня в церкви не в праздник. Однако перед начатием панихиды он подошел ко мне и стал просить пожаловать к нему «откушать чаю». Разумеется, что я не пошел и даже не дождался панихиды. Зато отправился я на кладбище и над могилой сына отслужил, так сказать, свою панихиду по всем умершим родителям своим. Возвратясь домой, я принялся сочинять, если только можно назвать сочинением стихи, в которых вылились чувства, давно уже просившиеся на простор... Мне бы было очень больно, если бы мне в этот день не удалось ничего написать: много, может быть, между пишущею молодежью людей с большим талантом, чем я; но по крайней мере в этот день я преемник лиры Пушкина, и я хотел оправдать в своих глазах покойного поэта, хотел доказать хоть не другому кому, так самому себе, что он не совсем же даром сказал о Вильгельме: «Мой брат родной по музе, по судьбам». Судьбы-то мне, правда, выпали потом несколько суровее пушкинских; но и он, бедняжка, настрадался же на свой пай». Приведя полный текст стихотворения, К. добавляет: «Недостаток этой пиесы тот, что слишком много говорю о самом себе, но в моем положении почти нельзя иначе» (РА, 1901, № 2, с. 239—240). *Он ныне с нашим Дельвигом пирует* и т. д. Дельвиг умер в 1831 г., Грибоедов — в 1829 г. *Она того меня лишает дара* и т. д. Постоянное в 1830-е годы опасение К. лишиться поэтического дара под бременем нахлынувших на него по выходе из тюрьмы материальных забот.

15 (181). „Литературный Ленинград“, 25-26 октября 1845 г. было записано в дневник. *Оссиан* — см. примеч. 5 (61). *Вот первый: он насмешливый, угрюмый* — А. С. Грибоедов. *Закат* — здесь: запад. *И с ним отчизну примирил свою*. С помощью А. С. Грибоедова, русского посла в Персии, в 1828 г. был заключен Туркманчайский мир с Персией, *А вот другой: волшебно-сладогласный* — А. С. Пушкин. *Еще две тени: бедный Дельвиг, ты*. Дельвиг умер в 1831 г. *И ты, его товарищ, Баратынский!* Е. А. Баратынский умер в 1844 г.